

ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

ПО ЕГО книгам можно изучать историю, географию, ботанику, зоологию, гидрографию, этнографию и даже почвоведение Дальнего Востока. Но пока не об этом.

Невельский открыл для России Дальний Восток. Задорнов открыл для читающего мира Невельского. Над трилогией о героическом походе капитана Задорнов работал более двадцати лет. К открытиям Невельского, к широкому кругу связанных с ним людей — реально существовавших и вымышленных — Задорнов обращался в своих произведениях еще двадцать лет. И обращается до сих пор.

Я не знаю, кого можно поставить рядом с Задорновым в истории жанра, кто

нам образ из романов Мамина-Сибиряка и Шишкова. А за спиной Бердышова маячат продажные блюстители закона, хваткий на калифорнийский лад поп, китайские торгаши и другие мелкие и крупные хищники. К концу романа герои как бы расходятся по двум противостоящим лагерям. Непокойно на берегах Амура. Непрочно доставшееся горбм, потом и кровью счастье Егора Кузнецова и его сотоварищей. С ожиданием грозы закрываешь книгу...

Вот почему Задорнов спустя почти двадцать лет возвращается к своим замыслам продолжения «Амура-батюшки», которые вызревали у него одновременно с работой над «Далеким краем». Так по-

карьеру, и светские удовольствия, и даже благополучие собственной семьи, предстает в романах капитан.

Таким подходом к решению образа Невельского Задорнов во многом обязан Чехову, который в книге «Остров Сахалин» не раз и не два с глубоким уважением и восхищением обращается к отважному первопроходцу. Еще готовясь к сахалинской поездке, штудирова материалы об открытии острова, Чехов писал: «...наши русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека».

Но идеализируя до известной степени образ Невельского, создавая героя в подражание и назидание, Задорнов остается все тем же предельно объективным исследователем, настоящим ученым-историком, когда речь заходит не о личности капитана, а о важности его открытий. Невельский завершил дело Пояркова и Хабарова, основанные им посты в устье Амура стали как бы преемниками славы героической русской крепости Албазин, с упоминаниями о которой мы постоянно встречаемся во всех романах эпопеи. С гневом и горечью пишет Задорнов о тупости царских сановников, которые не смогли оценить всю важность открытий Невельского, а в некоторых случаях откровенно вредили его делу. Но Россия благодаря Невельскому вышла к Тихому океану и утвердилась на его берегах. «Совершенно ясно, что Россия быстро становится первенствующей державой в Азии и весьма скоро затмит Англию на этом континенте», — писал Ф. Энгельс в статье «Успехи России на Дальнем Востоке». Этот тезис великого мыслителя с эпической широтой и научной тщательностью развернул Задорнов в трилогии о Невельском... Писатель исследует буквально тысячи фактов из жизни Амурской экспедиции и ее руководителя, раскрывает отношение к Невельскому сотен исторических личностей — от царя Николая I до ссыльного декабриста Волконского.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Николая ЗАДОРНОВА

«Перед нами настоящий исторический и патристический роман...»
Всеволод ВИШНЕВСКИЙ

«Вспоминаешь романы Николая Задорнова, посвятившего свою жизнь и талант первым землепроходцам Сибири и Дальнего Востока, — труд этот, составивший целую серию полнокровных романов... потребовал немалых усилий в освоении совершенно не изученного материала».

Петр ПРОСКУРИН

«Сибирь и Дальний Восток воспитали в этих людях особенную энергию, умение осваиваться с природой, волю и многие другие качества».

Николай ЗАДОРНОВ

БОЛЬШОЕ МАЛОЕ ПЛАВАНИЕ

так же неистово служил бы избранной однажды теме. Пожалуй, только А. Ира-сека с его серией романов и драм о гуситских войнах да нашего В. Яна, который столько жизни отдал трилогии о монгольской экспансии на Запад. Когда вчитываешься, вдумываешься в то, что сумел сделать за сорок с лишним лет Задорнов, ощущаешь невольный холодок восхищения, как перед прекрасным высотным зданием. Этажи его все растут — не так давно в «Новом мире» появился самый последний роман Задорнова — «Гонконг».

СНАЧАЛА же были «Амур-батюшка», «Далекий край», «К океану». На первый взгляд это типично «пионерские» романы. Однако написаны они под впечатлением работы писателя на стройках Комсомольска-на-Амуре. Город вставал на месте деревни уральских поселенцев и нанайского стойбища. Так в советское время продолжались традиции русских первопроходцев, новым содержанием наполнялись контакты с народностями Приамурья. Задорнов с добросовестностью настоящего исследователя рассмотрел историю заселения Амура русскими. Высоким патриотизмом, интернационализмом были отмечены романы, и не случайно за эти книги писатель был удостоен Государственной премии СССР. А романом «К океану», который потом издавался под названием «Первое открытие», Задорнов вышел на подступы к своей главной теме — жизни и подвигу капитана Невельского.

Эпопея о Невельском была уже закончена, когда в 1969 году писатель снова вернулся к героям романов «Амур-батюшка» и «Далекий край» и написал одно из самых блестящих в нашей литературе исторических полотен — «Золотую лихорадку».

Зачем? Ведь в это время писатель уже был увлечен развитием темы выхода России к Тихому океану — исследовал материалы экспедиции адмирала Путятина в Японию, обдумывал «Цунами»... Так за чем он вернулся к давним своим произведениям, да еще «втиснул» по хронологии «Золотую лихорадку» между первыми двумя книгами?

В ответе на этот вопрос, как мне кажется, ключ к пониманию обостренного чувства истории, глубины взгляда Задорнова на причинность и взаимосвязь явлений. В самом деле, герои «Амура-батюшки» к концу повествования, освоившись на когда-то чужих берегах, прочно встали на земле. Егор Кузнецов из беззубого переселенца, гонимого на дальние рубежи нуждой, превратился в деревенского патриарха, окруженного уважением односельчан и соседей-нанайцев. Егорово поле, поднятое на месте вековой тайги, стало навигационным знаком для капитанов амурских судов. Но, верный исторической правде, писатель не спешит идеализировать заселение Приамурья русскими в последней трети XIX века.

Да, само это заселение явилось логическим завершением походов Пояркова и Хабарова, закономерным итогом двухсотлетнего движения россиян к Великому океану. Новую жизнь несли пионеры на дикие берега. Однако эта волна на первый взгляд жизнь подчинялась тем же законам, что и в Европейской России, в уже хорошо освоенной Сибири. Не случайно в романе рядом с праведником, тружеником Егором Кузнецовым, олицетворяющим лучшие силы народа, одним из центральных образов поднимается Иван Бердышов. Лишь сопоставление фамилий чего стоит! Обаятельный хищник, этаким Кожаный Чулок, но без романтического ореола, умный, алчный, не останавливающийся подчас даже перед открытым разбоем. В Иване Бердышове уже угадывается будущий «миллионщик», хорошо знакомый

является роман «Золотая лихорадка», где писатель снова обращается к Егору Кузнецову, его друзьям и врагам. Теперь Задорнов исследует почти непаханный пласт в литературе о Сибири и Дальнем Востоке — тему «республик», стихийно возникавших на золотых приисках Приамурья. «Президентом» одной из таких «республик» становится Егор Кузнецов, случайно открывший золотое месторождение. Старательская вольница, «кобылка» из переселенцев, успевшая на новых землях вдохнуть воздух свободы, закладывает действительно республиканские основы управления прииском. Однако попытка создать самоуправление на «вольных» золотых разработках приводит к трагическому столкновению с реальной властью. В выигрыше от этого столкновения оказывается все тот же Иван Бердышов, уже успевший набраться делового опыта в Америке. Но в поражении «Кузнецовской республики» Задорнов увидел другой опыт — опыт сознательной борьбы за справедливое, действительно свободное общество. История Егора Кузнецова и Ивана Бердышова получила в «Золотой лихорадке» суровое, но правдивое завершение.

ТАКОЙ же взыскательностью к себе отмечена работа Задорнова над трилогией о Геннадии Ивановиче Невельском. Пересказать содержание трех больших романов невозможно, да и нет нужды, ибо эти книги по достоинству вошли в золотой фонд советской литературы и знакомы нескольким поколениям читателей. Говорить надо о другом — о стиле работы Задорнова над эпопеями. В последние годы, как мне кажется, в традициях жанра стало выхватывание отдельных, иногда второстепенных эпизодов из отечественной истории и их, зачастую субъективное, осмысление. Нередко при этом теряется из виду цель, магистральная линия, ради которой автор исторического полотна брался за перо.

Подвиг Невельского в романах Задорнова освещен однозначно — это подвиг человека, открытия которого раз и навсегда помогли России утвердиться на Тихом океане. Задорнов, на мой взгляд, сознательно обходит отрицательные черты личности Невельского, который, по воспоминаниям современников, бывал и нетерпелив, и вспыльчив, и желчен. А ведь у Задорнова, конечно же, был соблазн подчеркнуть какими-то «минусами» величину «плюсов» незаурядной личности капитана, то есть создать реалистический по форме портрет. Задорнов жертвует этой формой. Если в изображении всех остальных героев эпопеи Задорнов реалист, то в обрисовке образа Невельского он романтик.

Возвышенным рыцарем Великой Идеи, к ногам которой Невельский слагает и

В РОМАНАХ Задорнова счастливо сочетаются научная достоверность и полнокровная фантазия писателя, мягкий юмор и элегическая грусть, целомудренность и страстность. Глубокое знание материала позволило ему вывести в романах не схематические персонажи, не фигуры в аллегорических масках добра и зла, а живых людей, сложные и нередко противоречивые характеры.

Значительное место в трилогии отведено образу генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, получившего за открытия Невельского (!) титул Амурского. Вне сомнения, это человек завтрашней России, считает Задорнов, это прогрессивный деятель, предвидящий освобождение крестьян и капиталистический путь развития страны. Он слывет либералом: сделал «послабления» ссыльным, может прочесть entre nous запрещенное пушкинское послание декабристам. И вместе с тем это — столп монархии, верноподданнейший царя. И еще — позер и двурушник, поддерживающий Невельского только потому, что увидел конечное значение его открытий и сумел извлечь из них немалую выгоду. Задорнов беспристрастен в изображении Муравьева. И только показав встречу генерал-губернатора и писателя Гончарова, секретаря посольской миссии адмирала Путятина на фрегате «Паллада», Задорнов ставит точку. Он говорит устами Гончарова: Сибирь — казарма, а губернатор-демократ способен на обдуманную расправу.

Романы Задорнова населены невероятно густо. Более ста реально существовавших людей активно действуют в трилогии, кочуя из романа в роман. Еще больше таких же реальных персонажей на проходных, так сказать, ролях. А количество действующих лиц, созданных фантазией писателя, вообще подсчитать невозможно. Многие из реальных и вымышленных героев знакомы нам еще по «Амуру-батюшке» и «Далекому краю». Потом мы встретимся с ними в «Цунами», «Симодее», «Хэде», «Гонконге». И никаких «белых ниток», никаких сбоев в хронологии или логике развития характеров... Морские офицеры, матросы, казаки, проводники, священники, министры, чиновники, ссыльные, беглые, русские, нанайцы, нивхи, англичане, американцы, французы, китайцы, мужчины, женщины, дети, старики. Каждый со своей индивидуальностью, каждый узнаваем через сотни и сотни страниц емкой и сочной прозы.

Романы Задорнова — не только образцы добросовестного исследования материала. Это написанные великолепным русским языком увлекательные книги с массой интересных сведений, с динамичным действием, не уступающие по занимательности лучшим «пионерским», «авантюрным» и «морским» романам многих литератур. Это книги, которые залпом проглатываются в юности и которые дают пищу уму в зрелости. Книги-энциклопедии, книги-воспитатели, книги-собеседники. Их нельзя написать только в тиши кабинета, над архивами и справочниками. Надо обладать еще тем знанием жизни, которое получено из первых рук. Знанием земли, на которой живешь, знанием людей, для которых работаешь.

Эти знания писатель объясняет так: «...самые достоверные представления о море я получал, касаясь руками его соленых вод, в лодках и шлюпках, в малых плаваниях, где невольно видишь и запоминаешь то, о чем и не узнаешь никогда, плавая на гигантских лайнерах». Большим оказалось каждое такое малое плавание...

Вячеслав СУХНЕВ